

О Д Н А Ж Д Ы В АВГУСТОВСКИЙ ВЕЧЕР...

До начала спектакля оставалось чуть больше часа, пустовало фойе театра им. Горького, и в зрительном зале еще не господствовал тот звук, который рождается только из людского шепота, поскрипывания кресел, шестая программка...

Мы сидели с Александром Ивановичем Харитоном, заместителем директора Саратовского государственного театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского, в маленьком кабинетике возле служебного входа и говорили о театре, о гастролях, о Туле, об актерах, о зрителях...

— Александр Иванович, август — пора летних отпусков, наверное, не самое лучшее время для гастролей?

— Если вы вместе в виду посещаемость наших спектаклей публикой, то здесь у нас все в порядке. У нас то есть у администрации... Но мне особенно хотелось бы отметить другое, а именно: высокую степень заинтересованности тульского зрителя к работам нашего театра, его понимание классической музыки и интерес к ней. Судите сами: два раза прошла опера «Борис Годунов» в самом начале гастролей. Произведения это довольно сложное и для исполнителей и для слушателей. Однако к нам уже обращались неоднократно зрители с просьбой показать «Бориса Годунова» еще раз.

— Может быть, стоило пойти навстречу тулякам и выполнить их просьбу?

— Увы, мы уже отправили на Тулу декорации, костюмы, реквизит этого спектакля. Жаль, конечно, но... Поймите, мы ведь и предполагать не могли, что в Туле проявят такой интерес к спектаклю! По опыту прошлых лет мы знали, что два спектакля за месяц гастролей — более чем достаточно, а тут...

И Александр Иванович с улыбкой разводит руками.

Бросая взгляд на часы. Скоро семь, а значит у моего собеседника забот прибавится. Ведь двери театра уже гостеприимно распахнуты, и фойе, зрительный зал уже наполнены светом, теплом, уютно, и первые зрители уже сдали в гардероб свои зонтики, а вместе с ними, наверное, и веселые мысли о холодном, непрерывно моросившем дожде на улице. Теперь — ожидание. Ожидание встречи с великой молодой, велико-прекрасной музыкой Иоганна Штрауса. Ведь сегодня в театре — «Большой вальс».

Те, кто представит сегодня свое искусство на суд зрителя, пока в своих гримбурах готовятся к предстоящей встрече с публикой. Я в эти оставшиеся до третьего звонка полчаса пытаюсь разгребать двух симпатичных молодых людей, примостившихся в уголке одной из «гримерок». Знакомимся.

— Беззубиков, Михаил Васильевич.

Сказано официально, но, похожему, больше от смущения.

— Виталий Бгаешев.

Коротко и ясно. (Тонкие, керамические пальцы. Прежде чем ответить на вопрос — жемлят, взвешивая каждое слово).

— Давно вы работаете в этом театре?

Михаил:

— Что-то около десяти лет, по-моему. Да, десять.

Виталий:

— Вот уже десятый сезон.

Михаил:

— Мы с Виталием вместе пришли, в один год.

— А что вы закончили?

Михаил:

— Я — пермское хореографическое. Виталий — саратовское.

Виталий:

— А в основном у нас балетная труппа состоит из выпускников нашего местного хореографического училища. В последние годы особенно много пришло способных молодых ребят.

Михаил:

— Мы с Виталием уже «старжики».

Виталий:

— Хотя возраст у нас такой, что если бы мы были драматическими актерами, то вполне бы могли играть даже в ТЮЗе.

— Ну, а кто из тех, с кем вы работаете вместе в спектаклях, нравится вам как зрителю?

Виталий:

— Прежде всего, — Геннадий Альтберг, один из ведущих танцовщиков театра... Миша вот очень интересно работает.

Михаил:

— Кубасова Светлана, Лилия Емельянова, Нина Трофимова, Бессчетнова, тоже Нина...

Виталий:

— А Оля Вислянская? Она, кстати, сегодня заняла партию Фанин танцует.

— За эти годы работы в театре наверняка были роли для вас особенно дорогие.

Михаил:

— Конечно. Овод, например, в одноименном балете. Реб в «Соборе парижской богематери». Колен в «Тщетной предосторожности».

Виталий:

— А у нас, Виталий?

— Из последних работ это Клод в «Соборе» и Монтанелли в «Оводе». Оба спектакля поставил молодой балетмейстер Анатолий Домостыкин.

— А о чем мечтаете, если не секрет?

Михаил:

— Почему же секрет? Думаю, готовя через полтора-два сезона «Пряня» и «Победином овере».

— Что бы вы могли сказать о тульском зрителе?

Виталий:

— Тула вообще очень театральный город, и мы в этом убеждены уже на первом балетном спектакле...

Михаил:

— Мы «Собором» открывались.

Виталий:

— Да, первый акт шел — мы так, зябле, присматривались друг к другу. Зритель — к нам, и мы — к нему. А во втором уже почувствовали атмосферу зала, спокойную, доброжелательную. Актер ведь всегда чувствует зрительское отношение к себе, к спектаклю.

Михаил его во многих страхах мира.

«Театр уж полон...» И в партере, и в амфитеатре все места заняты. Медленно гаснет свет в зале. Спектакль начинается...

«Когда в божественном...»

замрет рука и ижжет. И Лебедь голову уронит на крылья, знавшие полет...

Я долго стоял в коридоре перед дверью, ведущей в одну из гримбух, и ждал. В антракте, после первого действия, костюмеры помогли быстро переменить костюм Оле Вислянской, балерине, с которой мне было необходимо поговорить хотя бы несколько минут. Я только что видел ее на сцене и прекрасно понимал, что ей сейчас совсем не до меня.

Фанин — работа большая, серьезная, не терпящая ни малейшего расхолаживания, расслабления. Как, впрочем, и все в искусстве, именном балетном.

Наконец, дверь открывается и слышится долгожданное: «Входите». И буквально тотчас же звучит первый звонок — времени для интервью в обрез. Итёк...

— Скажите, Ольга, вы давно в театре?

— Четыре года.

— Какие у вас были наиболее интересные работы за это время?

— Зарема в «Бахчисарайском фонтане» Асафьева. «Лебединое озеро» Чайковского — партия Одетты-Одлинки, учащая танцовщица в балете Миккуса «Дон-Кихот».

— Планы на ближайшее будущее. Какую партию вы хотели бы сыграть?

— Китри.

— Из «Дон-Кихота»?

— Да.

— Кто оказал на вас наибольшее влияние как на балерину, да и как на человека тоже?

— Трудно ответить вот так сразу... Скорее всего это народная артистка РСФСР В. Дубровина, великодушная и независимая, прощом танцовщица, выступавшая на сцене Саратовского театра. Я училась у нее в хореографическом училище.

— Гастроли подолжит к концу?

— Да, впереди месяц в Саратов.

— Трудными ли они были для вас?

— Обычными, если не считать гастролей в Москве.

— Честно, устала?

— Устала.

Антракт, антракт... Как ты быстро кончаешься! И вот я уже торопливо иду по коридору, все дальше и дальше от актерских «гримерок». Через минуту начнется второе действие — надо спешить. Всего на несколько мгновений задержавшись у большого шита на стене. Вверху крупными буквами написано — РАСПИСАНИЕ, написанное как в школе. Ниже и во всю площадь шита помещены — спектакли вечерние, спектакли дневные, выезды, шефские, концерты, встречи со зрителями... Вызываются те-то и те-то, к такому-то часу, на сцену или в репал... И каждое утро — репетиции, репетиции, репетиции...